

УДК 321.01+342.1

Наталья Владимировна Панкевич

кандидат политических наук,
старший научный сотрудник отдела философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург premium@novator.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВ¹

Рассмотрены теоретические подходы к концептуализации территориальных форм организации политического пространства, выявлена методологическая недостаточность существующих подходов, сформулированы предложения к исследовательской повестке.

Мировая система, трансформация, пространственная организация, политическое пространство, территориальные формы.

Неоднозначность процессов, определяющих сегодня динамику мировой системы, позволяет формулировать множественные, часто взаимоисключающие, концептуализации магистральных направлений развития, которые она переживает на современном этапе. Интенсификация политических и экономических процессов, связанная с их выходом на глобальный уровень, влечет за собой глубокую структурную трансформацию всей институциональной системы, служившей основой нормативного порядка современности. И поскольку процессы глобализации с особой очевидностью ставят вопросы масштаба, и в том числе территориального охвата деятельности политически и экономически значимых акторов, одной из главных задач для теоретического осмысления является вопрос становления нового формата пространственной конфигурации и структуры управления, условий формирования перспективных форм нормативного порядка. Последнее требует переоценки места и роли ключевого института, определяющего специфику политического пространства современности. А именно национально-государства, детерминирующим признаком которого является территориальное закрепление властных полномочий в рамках соответствующих границ.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МД-275.2009.6.

Доминирующим трендом сегодняшней дискуссии становится предположение об институциональном кризисе государственности. Симптоматикой упадка считается выхолащивание содержания ценностей суверенитета, передача государственных полномочий на суб- и наднациональные уровни управления, их приватизация, утрата контроля над ресурсным потенциалом политики: миграционными потоками и потоками капитала. Наиболее влиятельными объяснительными подходами к проблеме ослабления позиций национального государства в современном мире являются, с одной стороны, тезис о том, что глобальный капитализм в современной его форме все в меньшей степени нуждается в протекционистских услугах национальных правительств, и напротив, требует устранения препятствий для циркулирования экономических ресурсов в мировом масштабе. С другой стороны, подчеркивается значение социальной трансформации, в ходе которой дифференциация общества все в меньшей степени осуществляется традиционными структурами, связанными с классовыми, национальными, религиозными различиями. Им на смену приходят «идентичности», которые легко пересекают государственные границы и оперируют в пространстве, где собственно государственная регуляция социальных отношений оказывается избыточной [15, р. 473-474]. Как и экономика, общество перерастает национальные границы, которые из значимого условия безопасности и интегральной части коллективной стратегии выживания в мире превращаются в препятствия, сдерживающие свободную коммуникацию между сходными социальными сегментами, принадлежащими разным государственным единицам и соответственно стремящимися преодолеть фактор страновой разделенности.

Центральным тезисом дискуссии становится предположение о том, что в подобном контексте современное государство неизбежно утрачивает существенные признаки суверенитета, включая такие значимые его атрибуты, как централизованный контроль над силовыми ресурсами, монополия на универсальное нормативное регулирование всех сторон социальных, экономических, политических отношений в пределах своей территории. Распад этой монополии существенным образом сказывается на формате территориальной организации управления в современном социуме. Но если допустить, что государство перестает быть центральным институтом, определяющим территориальное устройство мировой системы, то возникает ряд существенных вопросов, касающихся сил, которые детерминируют становление новой системы территориальных взаимодействий, а также перспективного формата распределения властных отношений в мировом политическом пространстве и механизмов пространственной интеграции. Иными словами, возникает теоретическая и практическая потребность в поиске новых концептуальных возможностей структурирования гео- и социо-политического про-

странства, которые бы сумели предложить альтернативу государственному принципу агрегации.

Многочисленные эмпирические исследования подтверждают глубоко противоречивый характер этого процесса, который в равной мере позволяет делать полярные выводы относительно становления перспективного формата альтернативной территориальной структуры мира. Первым теоретическим подходом является предлагаемая рядом исследований концепция выравнивания мирового пространства в ходе глобализации таким образом, что происходит его гомогенизация, устраняются иерархии соподчиненности территориальных единиц мира. В наиболее чистом виде данная дискуссионная позиция выражается метафорой «плоского мира», в котором регионы, организации, общности и индивиды получают равный, фактически эгалитарный доступ к ресурсам, циркулирующим в глобальном масштабе, и могут в ходе открытого конкурентного процесса влиять на их распределение [7].

Согласно этому направлению, процесс выравнивания мирового пространства опирается на ряд инновационных в социально-технологическом аспекте трансформаций, которые сумели на первом этапе пространственно разделить производственный процесс и потребительские рынки и далее создать и внедрить на глобальном уровне принципиально новую организационную структуру ведения экономической деятельности, основанную на масштабном использовании аутсорсинга. Эта структура, которая предполагает функциональное обособление различных задач производственного процесса и их передачу внешним по отношению к фирме исполнителям, позволяет осуществлять узкую специализацию территорий и таким образом производить расслоение цепочек производства добавленной стоимости [8]. Это, безусловно, является фактором, облегчающим включение политически разнородных территорий в единое экономическое пространство. Реальными бенефициариями этого процесса сегодня становятся отдельные регионы Индии и Китая, чье развитие в ходе переноса сюда производственных и сервисных функций достигло беспрецедентных темпов: в 4-5 раз интенсивнее, чем в ходе европейской промышленной революции [17, р. 482]. Однако, согласно данному восприятию процессов мировой динамики, потенциальный список выигравших от процессов глобализации подвержен постоянным флуктуациям. Он может расширяться за счет успешного позиционирования территориальных экономических комплексов в рамках мировой экономики. Равным образом в роли проигравших также может оказаться практически любой социальный или территориальный сегмент, что делает «плоский мир» системой постоянной оппортунистической активности, основанной на конкурентном процессе, безразличном к пространственному фактору. Ареной для социального действия становится весь мир, а воз-

возможностью стратегической инициативы обладает каждый индивидуальный субъект.

Эта радикальная трактовка, в ходе которой пространственный фактор становится предметом игнорирования, встречает вполне обоснованную критику. Противоположный полюс дискуссии, также скептически описывающий перспективы адаптации институтов национального государства к современным тенденциям, опирается на альтернативные стратегии сбора и интерпретации эмпирических данных, которые подчеркивают различные аспекты неравномерности и диспропорциональности регионального развития как в экономическом, так и социальном планах. С этой точки зрения, процесс глобализации, напротив, ведет к формированию крайне неоднородного, поляризованного ландшафта современности. Главным аргументом в пользу пересмотра роли национального государства в данном случае является то, что национальные границы более не в состоянии определять конфигурации экономического и социального действия. Если ранее государство было естественной единицей развития, то сегодня данная функция им по факту утрачена. Эту роль начинают выполнять иные пространственно оформленные единицы субнационального масштаба: внутригосударственные регионы, кросс-границные единицы (подобные еврорегионам), а также наднациональные структуры территориальной интеграции экономической активности, подобные мега-регионам, агрегирующим экономические пространства нескольких государств безотносительно фактора границ, которые активно трансформируют структуру мирового пространства.

В рамках такого подхода, государства часто определяются как сугубо искусственные учреждения политического характера [см., напр. 11, р. 461], чья роль в качестве очевидного гаранта развития все чаще ставится под вопрос. В этом смысле показательна дискуссия о так называемых *failed states*, государствах, которые оказываются не в состоянии обеспечить даже минимальный набор функций в собственных территориальных границах, включая обеспечение внутренней безопасности. В отношении таких государств выдвигается тезис о том, что поддерживаемые международным правом принципы государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела являются нецелесообразными, поскольку фактически закрепляют за нелегитимными и неэффективными элитами право бесконтрольного пользования природным, демографическим, социальным потенциалом соответствующих стран [1]. В отличие от государств, для которых характерна прогрессирующая нефункциональность, единицы, подобные мегарегионам, сформированные экономически, объявляются реальными центрами кумуляции капитала, агрегации ресурсных потоков и порождают соответствующие эффекты в демографической, социальной и культурной дифференциации общества.

Следует отметить отсутствие единой теоретической и операциональной интерпретации в определении единиц, которые с точки зрения исследователей, работающих в данном направлении, формируют новую основу территориальной структуры современной мировой системы. В зависимости от масштаба и целей исследования они могут по-разному вычлняться из других территориальных целостностей. Однако общим моментом во всех исследованиях является подчеркивание момента высокой инфраструктурной плотности этих образований, которая при минимальных затратах позволяет осуществлять в их границах перегруппировку и манипулирование потоком рабочей силы и капитала [11, р.459]. При этом подобные единицы могут как располагаться в пределах границ одного государства, например Большой Токио, Вашингтон-Нью-Йорк-Бостон, так и объединять отдельные территориальные сегменты разных государств, как это происходит в случаях с регионами Вена-Будапешт, Амстердам-Брюссель или Сингапур, когда привлекается недостающий человеческий ресурс объемом более чем в 2 миллиона человек из близлежащих районов Малайзии.

Подобное смешение в рамках данного подхода не является исследовательской небрежностью, поскольку в основе вычленения мегарегионов лежит идея безразличности экономического потенциала новых структурных единиц по отношению к фактору государственности. Если экономический потенциал региона Вашингтон-Нью-Йорк-Бостон превышает потенциал любых национальных экономик, кроме включающей его экономики США и экономики Японии [11, р. 468], то вполне оправданно в рамках данного подхода выявлять и ставить во главу угла именно такие реально доминирующие компоненты и исследовать взаимосвязи между ними, даже если это ведет к игнорированию оставшихся территориальных сегментов государственного уровня.

Эмпирические данные равным образом свидетельствуют и в пользу подобной интерпретации мировой динамики. Если рассматривать в качестве структурной единицы экономического развития крупный урбанизированный мегарегион, то, согласно статистическим расчетам, 10 мировых лидеров концентрируют в своих границах 42,8% мировой экономической активности, первые 20 – уже более половины мирового производства (хотя в их границах проживает лишь около 10% всего населения мира). При этом регионы, дислоцированные полностью в границах определенных национальных государств, показывают достаточно мощный потенциал деформации социального и экономического пространства, концентрируя основной объем ресурсов в своих границах за счет остальной территории страны. Для регионов США уровень производства на душу населения в таких территориальных единицах на 30% выше, чем для остальной страны. В регионах Европы с повышенным уровнем развития этот же показатель превышает 40% [11, р. 468].

Подобный потенциал деформации пространственного развития характеризует не только регионы экономического ядра мира. Данные российской официальной статистики подтверждают ту же тенденцию. Разрыв между субъектами РФ по объемам производства валового регионального продукта (ВРП) на душу населения к 2006 г. составил 26,9 раз (рассчитано по 6). Половину производства осуществляли всего девять субъектов Федерации. Заметим, что шесть из них не представляют собой разрозненные единицы, разбросанные по всей территории страны, а составляют два крупных экономических района. Это, во-первых, Москва и Московская область в совокупности дающие более 27% совокупного ВРП страны. Во-вторых, Тюменская область и автономные округа, входящие в ее состав (11,7%). К этому же крупному региону непосредственно прилегает Свердловская область, вносящая еще 2,9% в совокупный ВРП. Невозможно искусственно провести границы между экономическими и социальными комплексами подобных территорий, даже если они попадают под юрисдикцию разных региональных администраций. Среди других лидеров российской региональной экономики, вносящих наибольший вклад в производство совокупного ВРП, – Петербург, Республика Татарстан, Красноярский край, который также является агрегатом нескольких субъектов Федерации. Одновременно в ряде субъектов Федерации к 2006 г. региональное производство не достигало даже десятой доли процента (республики Ингушетия, Алтай, Калмыкия, Тыва, Адыгея, Чукотский АО, Еврейская АО).

Подобные дисбалансы в уровнях регионального развития представляют собой естественную угрозу для территориального единства в формате суверенного государства, поскольку регионы, характеризующиеся сопоставимым уровнем развития, даже входящие в состав различных государственных образований, проявляют очевидную тенденцию к интеграции. Стратегией более развитых территориальных сегментов является обособление и замыкание ресурсных потоков в рамках своих границ (которые, как правило, не совпадают с границами государственными), концентрация прибыльных экономических секторов и одновременный вынос за свои пределы менее прибыльных операций, проблемных в экологическом или социальном планах производств. Фактически это – стратегия передачи проблем на территориальную периферию, вне зависимости от того, формируется ли эта периферия внутри национальных границ, или за их пределами в странах второго и третьего мира. Именно такой сценарий развития демонстрируют наиболее развитые в экономическом отношении регионы Европы и Северной Америки, формируя своеобразный территориальный пул, внутри которого обращается основная часть мировых финансовых и экономических потоков [3].

Примечательно, что несмотря на игнорирование фактора государственных границ данный принцип организации пространствен-

ной структуры мало отличается от государственного, поскольку и в том, и в другом случае мы имеем дело с пространственно определенными сегментами, которые обладают территориальной протяженностью, хотя и более подверженной изменениям, чем ригидные государственные пространства, закрепленные международными соглашениями, правом и защищаемые международной системой. Реально отличает этот формат агрегации территориальных сегментов отрицание универсализма, свойственного государственному принципу. Новые образования имеют тенденцию к достаточно жесткой селекции своих территориальных составляющих, при которой конструируемая единица будет увеличивать свой геоэкономический потенциал. Практическим последствием этой селекции является «сброс» проблемных регионов и их отчуждение от возможностей включения в «пространство потоков» [4], что, в свою очередь, отрицает редистрибутивные возможности, которые государственные системы применяют с целью выравнивания показателей развития внутри своих границ.

В политическом смысле эта тенденция способна к производству весьма значимых эффектов. Во-первых, она порождает качественно беспрецедентный потенциал сецессии отдельных территориальных сегментов, входящих в состав национальных государств, связанный не с традиционной спецификой национального, религиозного, языкового состава, но прежде всего с уровнем включенности в глобальный экономический обмен. Во-вторых, эта же тенденция является серьезной угрозой для существования и функционирования социального государства, которое в норме обеспечивает задачу включения и обеспечения доступа к ресурсам развития для каждого социального и территориального сегмента. Напротив, данный процесс подталкивает институты национального государства к отказу от многих существенных функций, обеспечивающих интеграцию социума, в пользу стратегий пространственной дифференциации, которая лишь усугубляет проблему диспропорциональности и неодновременности развития отдельных территорий.

Наибольшую остроту такая проблема приобретает, если учесть третью возможность пространственной организации современного мира, которая основывается на сетевом принципе и представлена в политической реальности сетями мировых городов. В данном случае процесс селекции сегментов и их дальнейшей агрегации приобретает особенную очевидность. Современный мировой город становится узлом, в котором в наиболее концентрированной форме происходит кумуляция ресурсов, что позволяет ряду исследователей определять его в качестве основной пространственной формы организации современного капитализма [9].

В этом смысле города как единицы структурирования мирового пространства претерпевают очевидную и быструю эволюцию.

В начале-середине XX в. рост городов и сам феномен «мирового города» рассматривался как безусловное свидетельство геоэкономического успеха соответствующего национального государства [см., напр. 12; 13]. Его функционирование полностью определялось контекстом и структурой социально-политических интересов национального уровня. Однако по мере освобождения ресурсных потоков из-под государственной опеки и регулирования создание мощных урбанизированных агломераций перестало рассматриваться как естественный процесс, свидетельствующий о развитии и прогрессе, и превратилось в инструментальную задачу национальных правительств, выполнение которой было необходимо для закрепления присутствия капитала в своих границах. Процесс создания мировых городов стал одновременно процессом создания территориальных ловушек для закрепления и удержания мобильного капитала в пределах национальных границ. Иными словами, формирование мощного урбанизированного узла всегда являлось частью стратегии и территориальной политики уровня национального государства.

В этой перспективе иную интерпретацию получает новейшая история мировых городов. Их становление чаще всего связывается с политическим фаворитизмом, который позволял национальным и региональным правительствам производить «изъятие» городских пространств из остальной части государственной территории и формирование для них особой политической среды, даже если социальная цена этого процесса будет включать очевидный упадок сопредельного пространства [16]. В этом ключе чрезвычайно показателен пример Лондона, успех которого был запрограммирован действиями правительства консерваторов, которые сопровождалась масштабной электоральной реформой с упразднением выборных органов управления местного уровня в столице и других метрополисных районах. Однако становление Лондона в качестве мирового города однозначным образом негативно сказалось на уровне развития всей остальной территории страны [9, р. 23-24; 20,]. Та же тенденция характеризует эволюцию других мировых центров. Как отмечает С. Сассен, если ранее наблюдалась очевидная связь между ростом национальных экономик и ростом мировых городов, которые включены в их состав, то сегодня очевидна нарастающая асимметрия. Условия, которые необходимы для продвижения мирового города, являются одновременно значимыми факторами упадка других регионов США, Великобритании, Японии и т. д. [19, р. 13].

Однако дальнейший рост и развитие приводят к эффекту экстратерриториальности, политического выхода подобных городов за рамки национального пространства, оформленного институтами государственной власти. Города превращаются в эмансипированные субъекты мирового уровня, совокупный ресурс которых позволяет

им играть все более заметную роль как в национальном политическом пространстве (примером тому триумфальный возврат института выборов местного уровня в Лондоне), так и в мировом масштабе. Опыт Сингапура, Гонконга убеждает в том, что город может функционировать и полностью вне странового контекста.

Объективные мировые процессы в значительной мере способствуют возрастанию роли городских единиц. Согласно прогнозным оценкам ООН, к 2050 г. 69,6% населения мира будут проживать в городах [18], что уже само по себе означает существенную концентрацию демографического потенциала планеты в небольших территориальных сегментах. Однако еще более значим факт крайне неравномерного роста городов, непропорциональный перекося численности населения в наиболее значимых городских агломерациях. Согласно тем же данным, к 2025 г. в 29 странах более четверти *всего* населения будет сконцентрировано в единственном крупнейшем городе (в 1950 г. таких стран было 11), в 36 странах четверть населения будет сконцентрирована в двух крупнейших городах. С учетом того, что естественный прирост населения обеспечивает 60%-ный рост городов, а 40% роста осуществляется за счет процессов миграции и реклассификации [5, с. 14], становится очевидным, что подобные «напряженные» пространства действительно постепенно вырастают из национального контекста. Поскольку сам национальный контекст в возрастающей мере перестает быть реальностью, мировой город производит пространственное стягивание и сжатие социальных процессов за счет их концентрации. В ряде случаев мировой город вполне обоснованно начинает репрезентировать всю политику, сосуществовать и функционировать относительно автономно по отношению к включающей его политической системе.

В политическом аспекте весьма значимым фактором является то, что традиционно город, даже самый крупный и значимый, всегда рассматривался как нижестоящий, подчиненный элемент в иерархии политического пространства государства. Соответствующим образом, органы управления местного уровня, даже обладавшие согласно национальным стандартам распределения функций и значительным объемом полномочий, не рассматривались как самостоятельные политические субъекты. Сегодня ситуация стремительно меняется: область интересов и ответственности органов управления, которые определяются как «местные», на деле выходит далеко за пределы собственно муниципальной повестки дня. И это требует соответствующих решений политического характера. При описанном процессе сжатия политики до масштаба города или сети, состоящей из нескольких крупных узлов, один из уровней управления (национальный или местный) становится излишним, что приводит к прямым политическим столкновениям, которые сегодня остаются чаще всего предметом рассмотрения в рамках национальных реформ и

трансформаций, процессов перераспределения властных полномочий внутри государственных систем. Однако при смене исследовательской оптики подобный процесс может оказаться скорее свидетельством появления принципиально новых типов конфликтов, в которых внутристрановые элиты стремятся закрепить за собой контроль над доступом к ресурсным потокам, циркулирующим на глобальном уровне.

Справедливости ради следует отметить, этот тезис в наибольшей степени относится к государствам второй волны урбанизации, то есть в основном к развивающимся и слаборазвитым странам, где пространственное сжатие продолжает оставаться естественной стратегией привлечения капитала, даже при том условии, что оставшаяся часть страны находится в крайне плачевных условиях недоразвития. Мировые города в составе развитых стран оказываются в значительной мере более вписанными в национальные контексты, чем это может предполагать их статус глобальных центров экономической активности. Города Северной Америки и Европы аккумулируют значительно меньшую долю всего населения соответствующей страны и меньшую долю городского населения, чем города развивающихся и слаборазвитых стран. Также здесь не наблюдается катастрофических разрывов между уровнем производства ВВП на душу населения в глубоко урбанизированных районах и остальной частью страны (в отличие от стран Африки, арабского мира, Юго-Восточной Азии) [21]. Динамика роста этих городов чаще пропорциональна общему росту населения, а в ряде случаев наблюдается даже уменьшение доли населения этих городов в составе численности населения в целом.

Напротив, тенденция взрывного роста отдельных территорий за счет остальной части политики является специфическим феноменом мировой периферии, которая, очевидно за счет подобной стратегии, приобретает шанс включиться в глобальную систему. Но, производя столь масштабную централизацию ресурсов, сети городов одновременно формируют новую географию исключения остальных значимых пространств, которые оказываются в ущербном положении с точки зрения доступа к ресурсам развития. Однако именно такие «мертвые пространства» начинают составлять наибольшую долю территории планеты.

Тем не менее, даже с этими оговорками следует признать, что эмпирическое подтверждение находит также гипотеза о складывании альтернативной системы пространственной организации социальных и экономических отношений, которая представлена сетью компактных территориальных единиц городского типа. Эта структура на современном этапе уже характеризуется системными признаками. В период создания мировых городов силами национальных государств исследователи чаще всего обращали внимание на про-

цессы конкуренции между городами. Но сегодня появляются утверждения о том, что данный процесс не просто сходит на нет. Напротив, все узлы этой системы в равной степени важны, поскольку все они тесно связаны друг с другом таким образом, что эти связи гораздо сильнее связей с собственными регионами и государственными образованиями [10, р. 79, 85]. Только совместно они могут осуществлять обслуживание мировых потоков капитала, а также служить точками доступа к ресурсам и рынкам нижестоящих элементов пространства, а в социальном плане – быть базой для формирования сети элитных коммуникаций глобального уровня. Таким образом, они формируют новый тип политической и экономической территориальности, являются пространством производства нового постнационального типа государственности [14, р. 631-632].

Однако существует достаточно значимый аргумент, рассмотрение которого является существенным для полемики с подобной точкой зрения. Мировые города действительно формируют новую пространственную структуру организации политического, экономического и социального порядка глобального уровня. Однако ни один такой город, сколь бы существенное значение он не имел на глобальном уровне, не является единым образованием в социальном смысле этого слова. Мировые города, как впрочем и регионы, содержат внутри себя значимые социальные сегменты, полностью изъятые из процессов ресурсного обмена и коммуникации. Внутри них формируются различные формы пространства «исключения», «изгнания»: гетто, трущобы [см. подробно 2]. И если город рассматривать как узел сети, которая обеспечивает циркуляцию глобального капитала и концентрацию человеческих ресурсов, необходимых для его функционирования, то данные о том, что 65% горожан стран арабского мира, 54% городских жителей Африки, 39% – Латинской Америки, 33% – Юго-Восточной Азии заняты в «неформальной экономике» [17, р. 493], явно противоречат этому тезису. Фактически это означает, что каждый город включен в глобальную коммуникацию лишь отдельными, причем часто не самыми значимыми статистически, социальными сегментами. В то же время оставшаяся часть социума не включена в капиталистический обмен даже местного уровня и фактически пребывает в ином социальном и даже временном измерении. Иными словами, даже столь компактное территориальное образование в реальности оказывается более гетерогенным, чем это возможно для однозначной интерпретации его как новой пространственной формы организации социальных и политических отношений.

Представляется, что подобный эффект неравномерного развития и дистрибуции ресурсов, который позволяет критиковать абсолютно все рассмотренные подходы, указывает на их общую и существенную методологическую недостаточность в оценке происходящих в современном мире трансформаций. Такая недостаточность

может быть связана с преобладанием общей для всех этих подходов установкой. А именно все они исходят из представления о необходимости смены *масштаба* рассмотрения и исследования политических процессов в мировой системе, при которой происходит смена объекта. Место института суверенного государства занимают иные уровни управления, в зависимости от задач исследования – суб- или наднациональные. Иными словами, происходит попытка выявить наиболее значимый *слой* или *уровень* в пространстве политического управления, в котором происходит или предполагается, что будет происходить, основной объем трансформаций. И поскольку различные процессы протекают с разной степенью интенсивности в этих слоях, то концептуализации политического пространства приобретают конкурирующий характер, не будучи противоречивыми сами по себе, а лишь отражающими разные стороны реальности. Сети городов становятся альтернативными внутригосударственным регионам, те, в свою очередь, суверенным государствам, которые вновь уступают место надгосударственным союзам и т.д.

На деле подобная теоретическая изоляция уровней политического пространства, его разделение по горизонтали (что является доминирующей исследовательской стратегией сегодня) безусловно может давать значимые результаты частного характера, однако неоправданно дробит общую картину глобальных процессов, придавая каждому из них частный характер. В реальности мы сталкиваемся с достаточно интересным явлением сосуществования в одних и тех же территориальных координатах пространств различного типа, которые часто оказываются вложенными друг в друга, но тем не менее сохраняют свою уникальную функциональную идентичность. И в этом смысле нельзя говорить о горизонтальном расслоении политического пространства, связанного с уровнями управления и масштабам процессов. Напротив, пространство дробится вертикально в зависимости от той функциональной задачи, которую оно выполняет в интересах агентов и субъектов политического действия, которые его конструируют и поддерживают.

Иными словами, территориализация может рассматриваться как стратегия, призванная решать определенные задачи социальных субъектов, прошедших процесс институционализации. В зависимости от задач, которые эти субъекты ставят перед собой, новые пространственные формы могут отличаться значительной протяженностью и охватывать своими регулирующими конструкциями крупные территориальные сегменты. Таковыми могут являться, например, территории действия торговых соглашений, зоны применения единых технических стандартов. Но также они могут формироваться в качестве сетей, выхватывающих отдельные стратегические для данного субъекта локусы, например зоны экологических бедствий, места компактного проживания представителей определенных народностей и языковых групп.

Принципиальным отличием от государственного принципа распределения пространства в данном случае является то, что субъектами этого процесса являются частные группы и корпорации, которые не претендуют на выражение некоего универсального интереса. Поэтому создаваемые ими конструкции рассчитаны прежде всего на регулирование узкоспециализированной части социальных взаимодействий, наделение индивида или коллективного субъекта частным статусом и обеспечение для него доступа к определенному типу ресурса. И этот принцип эксклюзивности в процессе агрегации действительно составляет принципиальную альтернативу государственному. Если государство претендует на выражение универсального коллективного интереса и стратегии социума, заключенного в поле его суверенитета, на всеохватывающее регулирование всего объема социальных отношений в пределах его государственных границ, то альтернативной стратегией частных субъектов сегодня является реализация узких интересов в специально конструируемых политических агрегатах, которые могут как локализоваться в определенном слое политического пространства, так и пронизывать его на уровнях от местного до глобального.

Главной тенденцией сегодняшнего дня становится беспрецедентное количественное умножение подобных конструкций, которые создают развитые и вполне принудительные нормативные и правовые режимы для тех социальных групп, которые в них включены. Устойчивое существование таких режимов возможно и без необходимости подключения универсальных гарантов соблюдения правил игры, которыми всегда были институты государственной власти. В свою очередь становление этих форм не исключает и активной роли государственного фактора: государство вполне вписывается в такую систему в качестве одного из ряда нормативных предпринимателей. Оно может артикулировать и продвигать собственные интересы или оказывать поддержку тем институциям, деятельность которых оказывается полезной для реализации тех или иных интересов. Тем не менее государство теряет свою нормативную эксклюзивность и как регулятора отношений, и как гаранта прав перед лицом умножающихся денационализированных субъектов, связанных с корпоративной экономикой и с социально активными элементами растущего глобального гражданского общества.

Подобная трансформация включает в себе достаточно серьезные последствия политического характера, поскольку на сегодняшний день мы сталкиваемся с появлением реальной альтернативы государству как механизму регулирования нормативного порядка. Однако эта альтернатива по своей природе исключает универсализм. Система селекции «удобных» политических пространств и социальных сегментов, которая вне государственного вмешательства неизбежно будет функционировать в интересах эксклюзивных,

замкнутых групп и умножать диспропорции социального и экономического развития, в перспективе подрывает возможность обеспечения благосостояния государства.

Не меньшую угрозу представляет дальнейшее увеличение числа подобных частных политических пространств для сохранения ценностей демократии и сбалансированного политического представительства. Значительная часть интересов в такой ситуации может быть более эффективно удовлетворена не государством, а альтернативными субъектами – корпорациями, диаспорами, сетями и т.д. Однако подключение (или исключение) индивида к альтернативным механизмам вновь осуществляется на неуниверсальной основе, как это происходит в случае с национальным государством, которое на данный момент остается единственным и безальтернативным механизмом, осуществляющим социальную политику.

Сказанное выше предполагает смену базовой методологической установки при исследовании динамики территориальной структуры современности. Если мейнстримом исследований сегодня является проблематизация и идентификация масштаба и уровня, на котором процессы трансформации осуществляются наиболее интенсивно, то в качестве перспективного направления можно предложить сместить фокус исследования в функциональное измерение. Необходимо оценить логику становления частных нормативных и правовых режимов в пределах вновь конструируемых пространственных форм, перспективы обретения ими устойчивости, а также их социально-политические эффекты в плане дальнейшей трансформации мировой системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белл Д. Мировой порядок в XXI столетии // Свободная мысль, 2007. № 11. С. 77-94.
2. Дэвис М. Планета трупоб // Логос, 2008. № 3. С. 108-123.
3. Иноземцев В. Неизбежность монополюсной цивилизации // Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001. С. 29-59.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Народонаселение мира в 2007 году. Доклад ООН, 2007. 111 с.
6. Росстат. Валовой региональный продукт по субъектам РФ в 1998–2006 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b01_19/IssWWW.exe/Stg/d000/vrp98-06.htm (проверено 06.07.2009).
7. Фридмен Т. Плоский мир: краткая история XXI века. М.: АСТ, 2007. 601 с.
8. Baldwin R. Globalization: the Great Unbundlings. Helsinki, 2006.
9. Brenner N. Global Cities, Glocal States // Review of International Political Economy. Spring, 1998. V. 5. № 1. P. 1-37.
10. Derruder B., Taylor P. The cliquishness of World cities // Global Networks, 2005. V. 5. № 1. P. 71-91.

11. *Florida R., Gulden T., Mellander Ch.* The Rise of Mega-Region // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, 2008. № 1. P. 459-476.
12. *Geddes P.* Cities in Evolution, London, 1915. 409 p.
13. *Hall P.* The World Cities, New York, McGraw-Hill, 1966. 256 p.
14. *Keil R.* Globalization Makes States // Review of International Political Economy. Winter 1998. V. 5. № 4. P. 616-646.
15. *Mann M.* Has Globalization Ended the Rise of the Nation-State? // Review of International Political Economy. Autumn, 1997. V. 4. № 3. P. 472-496.
16. *Nitsch V.* Trade Openness and Urban Concentration // Journal of Economic Integration, 2006. № 21. P. 340-362.
17. *Ploeg F., Poelhekke S.* Globalization and the Rise of Mega-Cities in the Developing World // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society, 2008. № 1. P. 477-501.
18. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2006 Revision and World Urbanization Prospects: The 2007 Revision [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://esa.un.org/unup> (проверено 08.06.2009).
19. *Sassen S.* The Global City. Princeton NJ; Princeton University Press, 1991. 412 p.
20. *Taylor P.* World Cities and Territorial States: the Rise and Fall of their Mutuality // Knox P., Taylor P. (eds.) World Cities in a World System, N.-Y.: Cambridge University Press, 1995. P. 48-62
21. United Nations. UN-Habitat, Urban Indicators. N.-Y., 2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ww2.unhabitat.org/programmes/guo/urban_indicators.asp (проверено 01.07.2009).

RESUME

Pankevich Natalia Vladimirovna, candidate of political sciences, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian academy of sciences, Ekaterinburg, premium@novator.ru

Territorial structure of political space: the search for alternatives

The article studies the existing theoretical approaches toward conceptualization of territoriality, proves their methodological insufficiency and suggests directions for the development of the issue.

World system, transformation, political space, structure, territoriality.

Материал поступил в редколлегию 07.07.2009 г.